
Аксиологическая и личностно-ориентированная основа сотрудничества и взаимодействия субъектов образовательной среды

Axiological and Person-Oriented Basis for Cooperation and Interaction of Subjects of the Educational Environment

Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысло-жизненные ориентации

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Радчиков А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Романова Н.М.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Пятых Г.А./

Администрация губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Киселев К.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

В статье описаны результаты комплексного исследования аспектов субъективной остракизации подростков, находящихся в условиях временной изоляции и депривации ряда социальных потребностей (в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России). Для достижения цели была поставлена задача сравнения с подгруппой, отличающейся условиями проживания и жизнедеятельности в социуме, с подгруппой, полностью включенной в социум. В исследовании приняли участие 995 подростков в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст 16 ± 1 лет, 60% женского пола) из закрытых и открытых учебных учреждений (111 и 884 респондента, соответственно). Применялись методики: «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)», «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиана», «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества

Д. Рассела и М. Фергюсона», «Шкала самооценки М. Розенберга», «Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева». Зафиксирован парадоксальный аспект: в подгруппе «закрытые организации» уровень субъективной остракизации ниже, чем в группе «открытые организации».

Ключевые слова: социальный остракизм, пенитенциарная психология, институционально закрытые подростковые группы, одиночество, аффилиация, смысложизненные ориентации, Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ.

Финансирование: исследование выполнено в рамках работ по методическому обеспечению образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» в целях сопровождения работы Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования на 2023 год.

Благодарности: авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования руководителей и сотрудников ФГБПОУ «Неманское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (Калининградская область), ФКУ «Новооскольская воспитательная колония УФСИН по Белгородской области», ФКУ «Брянская воспитательная колония» УФСИН России по Брянской области, ФГБПОУ «Себежское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (Псковская область).

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пятых Г.А., Киселев К.А. Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысложизненные ориентации [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2023. Том 20. № 4. С. 106–118. DOI:10.17759/bppe.2023200410

Teenager in Closed Institutions of the Educational System and the Federal Penitentiary Service of Russia: Ostracism Experience, Loneliness, Motives of Affiliation, Meaning and Life Orientations

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Andrew S. Radchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Natalia M. Romanova

Saratov State University, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Galina A. Pyatykh

Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Konstantin A. Kiselev

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

The article describes the comprehensive study results of a subjective ostracization of adolescents who are in conditions of temporary isolation and a number of social needs deprivation (in closed institutions of the educational system and the Federal Penitentiary Service of Russia). To achieve the goal, the task was set to compare with a subgroup that differed in living conditions and living conditions in society, with a fully included in society subgroup. The study involved 995 adolescents aged 14 to 18 years (mean age 16±1 years, 60% female) from closed and open educational institutions (111 and 884 respondents, respectively). The following methods were used: “Ostracism Experience Scale (adolescent, youth)”, “Diagnostics of Affiliation Motives by A. Mehrabian”, “Diagnostics of Subjective Feeling of Loneliness Level by D. Russell and M. Ferguson”, “Self-Esteem Scale by M. Rosenberg”, “Test of Life Orientations D.A. Leontiev”. A paradoxical aspect has been recorded: in the “closed organizations” subgroup the level of subjective ostracization is lower than in the “open organizations” group.

Keywords: social ostracism, penitentiary psychology, institutionally closed teenage groups, loneliness, affiliation, meaning and life orientations, Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.).

Funding: the reported study was carried out as part of the work on methodological support of educational activities of the Moscow State University of Psychology & Education in order to support the work of the Federal Coordination Center for the provision of psychological services in the education system for 2023.

Acknowledgements: the authors are grateful for assistance in data collection the Federal State Budgetary Educational Institution “Neman Special Closed Educational Institution” (Kaliningrad Region), the Federal Institution “Novy Oskol Educational Colony of the Federal Penitentiary Service Office for the Belgorod Region”, the Federal Institution “Bryansk Educational Colony” of Federal Penitentiary Service of Russia in the Bryansk Region, Federal State Budgetary Educational Institution “Sebezh Special Closed Educational Institution” (Pskov Region).

For citation: Boykina E.E., Radchikov A.S., Romanova N.M., Pyatykh G.A., Kiselev K.A. Teenager in Closed Institutions of the Educational System and the Federal Penitentiary Service of Russia: Ostracism Experience, Loneliness, Motives of Affiliation, Meaning and Life Orientations. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2023. Vol. 20, no. 4, pp. 106–118. DOI:10.17759/bppe.2023200410 (In Russ.).

Введение

Как это ни парадоксально, но современное общество с его поистине безграничными возможностями как непосредственного, так и виртуального взаимодействия, общения, включения в социум параллельно активно осваивает все новые и изощренные формы социального остракизма. В области психологических исследований уже не первый год изучаются механизмы виртуальных аналогов игнорирования, исключения и отвержения, таких как гостинг, фаббинг, киберостра-

клизм, мостинг, орбитинг и др. [см.: 1]. Подобная «живучесть» остракизма имеет глубокие корни и фундаментальную научную обоснованность.

Социальный остракизм (процессы игнорирования, исключения, отвержения) сопровождает человека с древнейших времен. С точки зрения антропологии, считается, что остракизм является адаптивным механизмом: он необходим для выживания человека, поскольку позволяет группе осуществлять контроль и поддерживать сотрудничество внутри нее, защищать членов своего общества от тех, кто может угрожать выживанию группы, например, больных, от воспринимаемых как «обременяющих» группу, девиантных и других [33]. В процессе эволюции и в борьбе за выживание человек развил в себе своего рода «систему раннего обнаружения» (англ. “early detection system”) признаков остракирования [22]. Согласно модели остракизма К.Д. Вильямса, минимальным сигналом, который лежит в основе раннего обнаружения остракизма, является *боль*, которая обнаруживается посредством активизации определенной зоны в дорсальной передней поясной коре головного мозга (англ. dorsal anterior singulate cortex, dACC) и служит для того, чтобы сконцентрировать и направить внимание человека на источник и значение остракизма [23].

К.Д. Вильямс и его коллеги утверждают, что мозг человека воспринимает «укол» остракизма автоматически, просто фиксируя его, без когнитивной оценки. И в данном случае «поймать» ложный сигнал об игнорировании или отвержении не столь критично, как пропустить его. Руководствуясь положениями «Теории управления страхом смерти» (англ. “Error Management Theory”), М. Хейзелтон и Д. Басс утверждают, что эволюционно адаптивные реакции часто включают в себя ошибки, называемые «ошибочным смещением» [25]. Для многих социальных видов животных (львы, гиены, буйволы и др.) пропустить сигнал остракизма — значит оказаться в условиях неминуемой гибели, а для людей — быть исключенным одним человеком или группой, которые для него важны, — привести к возникновению психологических и физических проблем [19].

Учитывая вышесказанное, приходит понимание актуальности изучения многообразных механизмов восприятия, переживания и реагирования на сигналы остракизации. В свете описываемых эффектов воздействия феномена социального остракизма на человека крайне востребованы, на наш взгляд, актуальные исследования групп, подвергаемых как во времена Античности остракизму, иными словами, временному физическому исключению из общества. И этот вопрос становится в разы более острым, если речь идет об остракизации несовершеннолетних. В этой связи нами было организовано комплексное психологическое исследование субъективной остракизации, одиночества, мотивов аффилиации и смысложизненных ориентаций несовершеннолетних, находящихся в условиях временного принудительного исключения из общества — в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России:

Надо признать, что проблематика вынужденной остракизации несовершеннолетних активно и на глубоком теоретическо-эмпирическом уровне рассматривается в работах целой плеяды отечественных ученых (М.И. Лисина, Н.М. Щелованов, Л.И. Божович, И.М. Гусейнов, А.Р. Ратинов, Д.И. Фельдштейн, М.Ю. Кондратьев, И.П. Башкатов, В.Ф. Пирожков и др.).

Несмотря на разнообразие различных форм «закрытых организаций для несовершеннолетних» (например, воспитательные колонии, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, следственные изоляторы, специальные школы-интернаты для детей с девиантным поведением и т. д.), критерий «закрытости» играет важную роль в становлении личности подростка. Как отмечает М.Ю. Кондратьев, «уже сам по себе факт «интернатного» их содержания и режимные требования, многократно ужесточая изоляцию от социального окружения, существенно обедняют вариативность социальной ситуации развития подростков, заметно примитивизируют и огрубляют систему референтных для них межличностных связей, возводя тем самым труднопреодолимый барьер на пути адекватной социализации развивающейся личности» [8, с. 65].

Цель — комплексное исследование аспектов субъективной остракизации подростков, находящихся в условиях временной изоляции и депривации ряда социальных потребностей (в закры-

тых учреждениях системы образования и ФСИН России). Для достижения цели исследования была поставлена задача сравнения с подгруппой, отличающейся условиями проживания и жизнедеятельности в социуме, с подгруппой, полностью включенной в социум.

Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что между двумя исследуемыми подгруппами есть разница в уровне субъективной остракизации. В случае подтверждения основной гипотезы нами выдвигалась **частная гипотеза** о том, что у подростков из подгруппы «закрытые организации» уровень субъективной остракизации (переживание игнорирования, исключения, отвержения) выше, чем у подростков из подгруппы «открытые организации».

Метод

Выборка.

В исследовании приняли участие 995 подростков в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст = $16,01 \pm 1,03$ лет). Распределение выборки по полу: 40,1% респондентов мужского пола и 59,9% — женского. Основываясь на задачах, поставленных для достижения цели исследования, основная выборка была подразделена на две подгруппы, эквивалентные по возрасту ($t(993)=1,30$; $p=0,19$).

Первая подгруппа исследования получила условное обозначение «*закрытые организации*», в нее вошли испытуемые, находящиеся в условиях институционально закрытых учреждениях (2 воспитательные колонии для несовершеннолетних и 2 специальных учебно-воспитательных учреждения закрытого типа). В подгруппе 111 респондентов (24,3% девушек, средний возраст $15,89 \pm 1,28$ лет). Географическая представленность: Белгородская, Брянская, Псковская, Калининградская области.

Вторая подгруппа условно обозначена как «*открытые организации*». В нее включены 884 подростка (64,4% девушек, средний возраст $16,03 \pm 0,99$ лет), обучающиеся в общеобразовательных учреждениях Министерства образования РФ (9 школ, 3 колледжа, 2 техникума). Географическая представленность: Белгородская, Вологодская, Ростовская, Саратовская области, города Калуга, Москва, Великий Устюг, Петрозаводск, Красноярск.

Методики исследования.

Для определения уровня субъективной остракизации и страха отвержения у несовершеннолетних использовались методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ (модификация Ostracism Experience Scale for Adolescents (OES-A), R. Gilman et al., 2013; модификация и стандартизация Е.Э. Бойкиной и др., 2023) [4] и «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиана» (адаптация Магомед-Эминова М.Ш., 1988; субшкала «СО — страх отвержения» [16].

Для более глубокого понимания субъективной остракизации посредством анализа родственного остракизму феномена одиночества в исследование включена методика «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона» [14].

Методики «Шкала самооценки М. Розенберга» (валидизация А.А. Золотаревой, 2020) [7], «Тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева», СЖО [13], «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиана» (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова, 1988; субшкала «СП — стремление к принятию окружающими людьми») использовались в качестве альтернативы исследования уровня нарушаемых в ситуации социального остракизма потребностей в контроле, осмысленном существовании, принадлежности и самоуважении [33].

Процедура.

Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы, в которую входили следующие блоки: 1) преамбула (приветствие и объяснение фабулы), 2) демографический блок (код организации с номером участника; пол; возраст), 3) блок методик.

Результаты и обсуждение

На основе применения t-критерия Стьюдента были проведены сравнения данных по подросткам из открытых учебных учреждений и подростков из закрытых учебных учреждений. Результаты сравнения (уровень статистической значимости t-критерия Стьюдента (p) и оценка величины эффекта (d Коэна)) и описательная статистика (среднее \pm стандартное отклонение) по подгруппам представлены в табл. 1.

Табл. 1. Сравнение подростков в открытых и закрытых учебных учреждениях

Показатель	Тип учреждения образования		Результаты статистического анализа	
	Открытые	Закрытые	p	d Коэна
<i>Шкала субъективного остракизма — подростки, молодежь</i>				
Игнорирование	1,71 \pm 0,51	1,63 \pm 0,39	0,0860	0,19
Исключение	2,89 \pm 0,85	2,66 \pm 1,00	0,0068	0,26
Отвержение	2,11 \pm 0,66	1,90 \pm 0,70	0,0016	0,31
<i>Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиана</i>				
Шкала СП (стремления к принятию)	121,86 \pm 20,95	128,10 \pm 18,56	0,0031	0,32
Шкала СО (страх отвержения)	120,14 \pm 25,95	111,60 \pm 30,49	0,0016	0,30
<i>Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона</i>				
Шкала субъективного ощущения одиночества	18,42 \pm 14,32	15,62 \pm 12,98	0,0523	0,20
<i>Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева</i>				
Цели в жизни	28,11 \pm 8,07	31,28 \pm 8,03	0,0002	0,39
Процесс жизни	27,06 \pm 7,57	28,93 \pm 6,42	0,0165	0,27
Результат жизни	23,48 \pm 6,98	24,88 \pm 6,59	0,0536	0,21
Локус контроля — Я	18,84 \pm 5,31	20,30 \pm 4,71	0,0077	0,29
Локус контроля — Жизнь	27,60 \pm 7,92	27,25 \pm 6,87	0,6673	0,05
Осмысленность жизни	91,98 \pm 23,26	97,57 \pm 19,85	0,0198	0,26
<i>Шкала самооценки М. Розенберга</i>				
Самооценка	19,39 \pm 5,56	21,59 \pm 5,82	0,0001	0,39

Для методики ШСО-ПМ выявлены достоверные различия между подгруппами по субшкалам «Исключение» ($t(993)=2,71$; $p=0,0068$; d Коэна = 0,26) и «Отвержение» ($t(993)=3,16$; $p = 0,0016$; d Коэна = 0,31). Для каждой субшкалы подростки в закрытых учреждениях имели в среднем более низкие показатели (на 0,23 и 0,21 балла для субшкал «Исключение» и «Отвержение», соответственно). Полагаем, что объяснение данного феномена может находиться на разных уровнях: социально-психологическом (культурном) и индивидуально-психологическом.

Социально-психологический (культурный) уровень. Подопечные закрытых учреждений в меньшей степени проявляют демонстративное отвержение и отказ от общения с другими людьми ввиду наличия определенного культурного единства среды заключенных: представители внутренней криминальной субкультуры, согласно М.И. Еникееву, стремятся вовлечь в свою среду новых членов [6].

Индивидуально-психологический уровень. Исследуемый контингент закрытых учреждений зачастую относится к категории лиц, склонных к насилию. В исследованиях установлено, что для насильственных преступников [31] и подростков-правонарушителей [28] более характерна

экстраверсия, чем для других преступников. В то же время остракизм отрицательно коррелирует с экстраверсией. В целом, лица, отличающиеся по модели «большой пятерки» добросовестностью, доброжелательностью, эмоциональной стабильностью подвергаются остракизму реже [24]. Изоляция контингента закрытых учреждений от мира сближает их и мотивирует на более позитивные отношения внутри системы, подчинение лидеру и группе, что, как мы предполагаем, снижает остракизм [см.: 5].

Еще одно наше замечание к результатам касается самой методологии. Нами использован самоотчет без наблюдения за реалистичной ситуацией. В данном случае испытуемые могли не замечать фактов остракизма, либо привыкнуть к ним. Как указывает S. Rudert, это исключает выявление причины установленных взаимосвязей [30]. Однако выявление данных каузальные связи и применение результатов объективного наблюдения выходит за рамки целей настоящего исследования.

Еще одним ограничением исследования является тот факт, что группа испытуемых из закрытых учреждений фактически подверглась остракизму со стороны общества, однако исследование не показало, что они испытывают в связи с этим ощущение исключения из социума. В данном случае мы можем предположить, что респонденты могут противопоставлять себя обществу, что сближает их друг с другом и снижает уровень субъективно переживаемого остракизма.

По шкале субъективного одиночества в сравниваемых подгруппах достоверных различий не выявлено ($t(967)=1,94$; $p=0,0523$). Важно отметить, что применяемая нами методика оценивает именно субъективное восприятие отсутствия социальных связей, а не реальное, объективное. В целом лица, находящиеся в закрытых учреждениях, пребывают в постоянном контакте друг с другом, причем зачастую, лица, находящиеся с ними, разделяют их ценности и взгляды, имеют схожие проблемы, что эмоционально сближает их. Отсюда — невысокий уровень субъективного ощущения одиночества у испытуемых (18,42 баллов) и отсутствие достоверных отличий от учеников открытых учебных заведений (15,62 баллов). Также современными исследователями отмечается влияние молодого возраста и наличие ровесников на успешность адаптации к групповой изоляции [см.: 9; 10; 11].

Самооценка учащихся закрытых учебных заведений достоверно выше, чем у учащихся в открытых учебных заведениях ($t(968)=3,87$; $p=0,0001$; d Коэна = 0,39). Такие результаты согласуются с результатами других исследований. Действительно, M.H. Kernis, B.D. Grannemann и L.C. Barclay показали, что лица с нестабильно высокой самооценкой будут демонстрировать особенно высокую склонность к переживанию чувств гнева и враждебности, а, следовательно — совершать насильственные преступления [27]. Схожих идей придерживались R.F. Baumeister, L. Smart и J.M. Voden [20], которые полагали, что высокая самооценка насильственных преступников связана с наличием у них эгоизма. Такие лица совершают акты насилия, когда их самооценке угрожает какой-либо объект. В.P. Papps, R.E. O'Carroll также полагали, что высокий уровень самооценки в сочетании с высоким уровнем нарциссизма коррелирует с тенденцией к выражению гнева и враждебности [28]. В то же время, другие ученые, I. Sutherland и J. Shepherd [32], полемизируя с данными исследованиями, полагают, что низкая самооценка и отсутствие уверенности в себе являются значимым предиктором насилия. Е.В. Чернышева указывает на схожесть самооценки преступников и несудимых лиц по выбору у себя положительных и отрицательных качеств [17]. В целом можно предположить, что наибольшее значение имеет характеристика стабильности самооценки и наличие фрустраторов в социальной среде, которые могут стать вызовом для нее.

Результаты использования опросника «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиана» показали наличие достоверных различий между группами по каждой субшкале. Учащиеся закрытых учреждений образования имеют в среднем на 6,24 балла больше по субшкале «Стремления к принятию» ($t(980)=2,97$; $p=0,0031$; d -Коэна=0,32) и на 8,5 баллов меньше по субшкале «Страх отвержения» ($t(971)=3,17$; $p=0,0016$; d -Коэна=0,30). Данные различия указывают на различающиеся картины аффилиационной мотивации. Мотив аффилиации обычно понимается как стремление

находиться в контакте с людьми, оказывать и принимать помощь [12], быть с ними в доверительных или интимных отношениях [16]. Таким образом, результаты показывают, что учащиеся закрытых учреждений ориентированы в большей степени на общение с людьми, получение положительных эмоций от такого взаимодействия. Они не боятся быть отвергнутыми. Такие субъекты, согласно исследованиям, популярны в социальных группах, ориентированы на позитивное общение [21]. Таким образом, характеристики аффилиационной мотивации учащихся закрытых учреждений указывают на особые условия их социальной ситуации (специфическая микросреда, влияние целенаправленных воспитательных воздействий, возможная демонстрация социальной желательности).

Учащиеся открытых учреждений демонстрируют одновременное стремление к людям и боязнь быть отвергнутыми, примерно равной интенсивности. Такое сочетание указывает на конфликтную мотивацию и наличие внутреннего конфликта; тенденцию к зависимости [там же]. В данном случае учащиеся открытых учреждений демонстрируют особенности, в целом характерные для подросткового возраста.

Для опросника «Тест смысложизненные ориентации Д.А. Леонтьева» есть достоверные различия между исследуемыми группами по субшкалам «Цели в жизни» ($t(926)=3,76$; $p=0,0002$; d Коэна = 0,39), «Процесс жизни» ($t(926)=2,40$; $p=0,0165$; d Коэна = 0,27), «Локус контроля — Я» ($t(926)=2,67$; $p=0,0077$; d Коэна = 0,29) и «Осмысленность жизни» ($t(926)=2,34$; $p=0,0198$; d Коэна = 0,26). Для всех четырех субшкал учащиеся закрытых учебных учреждений имеют в среднем более высокий балл. Данные результаты мы объясняем наличием специфической социальной ситуации их развития и становления (своеобразная микросреда, влияние целенаправленных воспитательных воздействий, возможная демонстрация социальной желательности). Кроме того, психологическая работа, проводимая с подростками таких учреждений, атмосфера открытости, внимание к психологическим потребностям подростков является своеобразной «площадкой» для их внутреннего роста и развития. В частности, наличия более высокого внутреннего локуса контроля [26]. В нашем случае речь идет о «Локусе контроля — Я». Аналогично могут быть объяснены и показатели по другим субшкалам: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Осмысленность жизни».

Выводы

Согласно полученным результатам нам удалось подтвердить основную гипотезу исследования о том, что между двумя исследуемыми подгруппами есть разница в уровне субъективной остракизации. Однако частная гипотеза была опровергнута: исследование предоставило статистически значимые результаты о том, что у подростков из подгруппы «закрытые организации» уровень субъективной остракизации (переживание игнорирования, исключения, отвержения) ниже, чем у подростков из подгруппы «открытые организации».

Интерпретация полученных в исследовании результатов, в части, касающейся неподтвержденной частной гипотезы, это настоящий вызов для авторов статьи. В данном отношении нам представляется целесообразным воздержаться от декларативности в оценке того факта, почему исследование дало статистически подтвержденный парадоксальный результат: физически и социально остракируемые несовершеннолетние субъективно ощущают себя менее игнорируемыми, исключаемыми или отвергаемыми, чем их сверстники, находящиеся в полном принятии обществом. В данном случае мы предлагаем гипотетическое обоснование полученного результата и говорим о необходимости дальнейших научных исследований данного парадокса.

Прежде всего полученный результат на уровне математически-статистических критериев доказывает тот факт, что на данный период времени в системе «закрытых организаций» созданы такие условия, в которых находящиеся там подростки включены в социальное взаимодействие внутри организаций. Более того данные психодиагностики свидетельствуют о том, что такие подростки не испытывают крайней степени одиночества, они серьезно задумываются о смысле жизни, у них выше уровень самооценки. С другой стороны, результаты, полученные по подгруппе «открытые организации» рисуют нам несколько тревожный портрет.

В качестве генерализованного фактора, который мог бы объяснить данный феномен, на наш взгляд, можно принять взгляд сквозь призму теории социальной атомизации.

Под *социальной атомизацией* понимается «амбивалентный процесс разобщения и эгоистического обособления людей, расхождения их частных интересов, ослабления и распада множества личностных и групповых связей, с одной стороны, и приобретения отдельным человеком самостоятельной сферы деятельности и приватной жизни, личного самосознания, освобождения от прямых личных зависимостей, единообразного коллективного сознания, групповых предрассудков и надзора, т.е. индивидуализации, с другой стороны» [3]. В данном контексте, как указывают исследователи, крайняя степень такого процесса — атомарная изоляция людей, порождающая чувство беспомощности и социальной незащитности [2]. С точки зрения социологии, подобная крайняя степень разобщенности общества атомарных людей «с оборванными личными контактами и тотальным недоверием к ближнему» — это признак переходного периода исторических кризисов и катастроф, когда «население выпадает из традиционных сетей и форм социальной организации» [3; 18].

Кроме того, современный социум называют обществом риска с присущими ему опасностями и угрозами. Учащиеся открытых учреждений образования встроены в него и постоянно вынуждены делать сложные выборы в реальном взаимодействии с ним. Учащиеся закрытых учреждений образования в этом смысле в большей степени ориентированы на ограниченный микросоциум специальных учреждений без необходимости погружения в проблемы «большого мира». В связи с этим их модус восприятия реальности является более узким, не включающим осознание трудностей и социальных рисков современного общества в полном объеме.

С учетом вышесказанного и дополняя социологический подход, можно предположить, что, с точки зрения психологии, полученный в исследовании результат говорит о влиянии социальной ситуации развития, опосредованной рядом уникальных для нашего времени переменных (рост дигитализации и виртуализации общества, почти двухлетний период самоизоляции, обострение ситуации неопределенности и др.).

Резюме

Результаты данного исследования вскрыли серьезную проблематику в среде российских подростков. Имея широчайшие возможности для межличностного он- и оффлайн взаимодействия, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет часто ощущают свое одиночество, чувствуют себя «невидимками» в социуме и испытывают негативные эффекты от недостаточно высокой самооценки. Согласно полученным в исследовании данным, современный подросток подгруппы «открытые организации» социально атомизирован — он вроде «в потоке», но сам по себе. Полученные данные ставят перед научным сообществом ряд перспективных исследовательских задач, в частности, поиска социопсихологических методов преодоления выявленной негативной и опасной тенденции.

Литература

1. Антология остракизма: Учебное пособие / Под ред. Е.Э. Бойкиной. М.: ИД «Городец», 2023. 288 с.
2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Атомизация социальная [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1839213?ysclid=lox9v1xj3r767747354> (дата обращения: 13.10.2023).
4. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130410
5. *Джансараева Р.Е.* Социальная среда мест лишения свободы как фактор, влияющий на поведение осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 112–114.

6. Еникеев М.И. Юридическая психология. М.: НОРМА, 2003. 256 с.
7. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
8. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб: Питер, 2005. 304 с.
9. Лапшина Т.Ю. Психологические особенности переживания одиночества у лиц, находящихся в условиях групповой (тюремной) изоляции. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 17 с.
10. Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 407 с.
11. Лепешинский Н.Н. Модерирующие эффекты социальной поддержки в условиях относительной групповой изоляции [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 3. С. 54–64. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2011_n3/Lepeshinskiy (дата обращения: 13.10.2023).
12. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб: Питер, 2007. 672 с.
13. Осин Е.Н., Кошелева Н.В. Тест смысловых ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. 2020. Том 66. № 6. С. 150–163.
14. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.
15. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 362 с.
16. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
17. Чернышева Е.В. Особенности Я-концепции личности осужденных. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
18. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 331 с.
19. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117(3). P. 497–529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
20. Baumeister R.F., Smart L., Boden J.M. Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem // Psychological Review. 1996. Vol. 10(1). P. 5–33. doi:10.1037/0033-295X.103.1.5
21. Byrne D., McDonald R.D., Mikawa J. Approach and avoidance affiliation motives // Journal of Personality. 2006. Vol. 31(1). P. 21–37. doi:10.1111/j.1467-6494.1963.tb01837.x
22. DeWall C.N., Maner J.K., Rouby D.A. Social exclusion and early-stage interpersonal perception: selective attention to signs of acceptance // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96(4). P. 729–741. doi:10.1037/a0014634
23. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion // Science. 2003. Vol. 302. P. 290–292. doi:10.1126/science.1089134
24. Forbes H., Stark A.M., Hopkins S.W., Fireman G.D. The Effects of Group Membership on College Students' Social Exclusion of Peers and Bystander Behavior // The Journal of Psychology. 2019. Vol. 154(1). P. 15–37. DOI 10.1080/00223980.2019.1642839
25. Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: A new perspective on biases cross-sex mind reading // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78(1). P. 81–91. doi:10.1037/0022-3514.78.1.81
26. Helm P. van der, Klapwijk M., Stams G.J., Laan P.H. van der. What works' for juvenile prisoners: the role of group climate in a youth prison // Journal of Children's Services. 2009. Vol. 4(2). P. 36–48. doi:10.1108/17466660200900011
27. Kernis M.H., Grannemann B.D., Barclay L.C. Stability and level of self-esteem as predictors of anger arousal and hostility // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56(6). P. 1013–1022. doi:10.1037/0022-3514.56.6.1013
28. Laak J. ter, Goede M. de, Aleva L., Brugman G., Leuven M. van, Hussmann J. Incarcerated adolescent girls: Personality, social competence, and delinquency // Adolescence. 2003. Vol. 38. P. 251–265.

29. Papps B.P., O'Carroll R.E. Extremes of Self-Esteem and Narcissism and the Experience and Expression of Anger and Aggression // *Aggressive Behaviour*. 1998. Vol. 24(6). P. 421–438. doi:10.1002/(sici)1098-2337(1998)24:6<421::aid-ab3>3.0.co;2-3
30. Rudert S.C., Keller M.D., Hales A.H., Walker M., Greifeneder R. Who gets ostracized? A personality perspective on risk and protective factors of ostracism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 118(6). P. 1247–1268. doi:10.1037/pspp0000271
31. Shimotsukasa T., Oshio A., Tani M., Yamaki M. Big Five personality traits in inmates and normal adults in Japan // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 141. P. 81–85. doi:10.1016/j.paid.2018.12.018
32. Sutherland I., Shepherd J. A Personality-Based Model of Adolescent Violence // *British Journal of Criminology*. 2002. Vol. 42(2). P. 433–441. doi:10.1093/bjc/42.2.433
33. Williams K.D. Chapter 6 Ostracism: A Temporal Need-Threat Model // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 41. 2009. P. 275–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1

References

1. Boykina E.E. (ed.). *Antologiya ostrakizma: Uchebnoe posobie*. Moscow: ID "Gorodets", 2023. 288 p. (In Russ.).
2. Arendt H. *Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]*. Moscow: TsentrKom, 1996. 672 p. (In Russ.).
3. *Atomizatsiya sotsial'naya [Elektronnyi resurs]*. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1839213?ysclid=lox9v1xj3r767747354> (Accessed 13.10.2023). (In Russ.).
4. Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V. Shkala sub"ektivnogo ostrakizma (podroshki, molodezh'), ShSO-PM [Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149. doi:10.17759/psylaw.2023130410 (In Russ.).
5. Dzhansaraeva R.E. Sotsial'naya sreda mest lisheniya svobody kak faktor, vliyayushchii na povedenie osuzhdennykh. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2006, no. 2 (26), pp. 112–114. (In Russ.).
6. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow: NORMA, 2003. 256 p. (In Russ.).
7. Zolotareva A.A. Validnost' i nadezhnost' russkoyazychnoi versii shkaly samootsenki M. Rozenberga [Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" = Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 2, pp. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57 (In Russ.).
8. Kondratiev M.Yu. *Sotsial'naya psikhologiya zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Saint Petersburg: Piter, 2005. 304 p. (In Russ.).
9. Lapshina T.Yu. *Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya odinochestva u lits, nakhodyashchikhsya v usloviyakh gruppovoi (tyuremnoi) izolyatsii*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2007. 17 p. (In Russ.).
10. Lebedev V.I. *Psikhologiya i psikhopatologiya odinochestva i gruppovoi izolyatsii*. Moscow: YuNITI-DANA, 2002. 407 p. (In Russ.).
11. Lepeshinsky N.N. Moderiruyushchie efekty sotsial'noi podderzhki v usloviyakh otnositel'noi gruppovoi izolyatsii [Moderating Effects of Social Support Under Conditions of Partial Group Isolation] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2011. Vol. 2, no. 3, pp. 54–64. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2011_n3/Lepeshinskiy (Accessed 13.10.2023). (In Russ.).
12. McClelland D.C. *Motivatsiya cheloveka [Human motivation]*. Saint Petersburg: Piter, 2007. 672 p. (In Russ.).
13. Osin E.N., Kosheleva N.V. Test smyslozhiznennykh orientatsii: novye dannye o strukture i validnosti [Noetic orientations test: new data on structure and validity]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2020. Vol. 66, no. 6, pp. 150–163. (In Russ.).
14. Raigorodsky D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: Uchebnoe posobie*. Samara: Izdatel'skii dom "BAKhRAKh", 1998. 672 p. (In Russ.).
15. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2002. 362 p. (In Russ.).

16. Heckhausen H. Motivatsiya i deyatel'nost' [Motivation and Action]. Saint Petersburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003. 860 p. (In Russ.).
17. Chernysheva E.V. Osobennosti Ya-kontseptsii lichnosti osuzhdennykh. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Yekaterinburg, 2005. 24 p. (In Russ.).
18. Elias N. Obshchestvo individov [Die Gesellschaft der Individuen]. Moscow: Praksis, 2001. 331 p. (In Russ.).
19. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117(3). P. 497-529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
20. Baumeister R.F., Smart L., Boden J.M. Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem. *Psychological Review*, 1996. Vol. 10, no. 1, pp. 5–33. doi:10.1037/0033-295X.103.1.5
21. Byrne D., McDonald R.D., Mikawa J. Approach and avoidance affiliation motives. *Journal of Personality*, 2006. Vol. 31, no. 1, pp. 21–37. doi:10.1111/j.1467-6494.1963.tb01837.x
22. DeWall C.N., Maner J.K., Rouby D.A. Social exclusion and early-stage interpersonal perception: selective attention to signs of acceptance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 4, pp. 729–741. doi:10.1037/a0014634
23. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*, 2003. Vol. 302, pp. 290–292. doi:10.1126/science.1089134
24. Forbes H., Stark A.M., Hopkins S.W., Fireman G.D. The Effects of Group Membership on College Students' Social Exclusion of Peers and Bystander Behavior. *The Journal of Psychology*, 2019. Vol. 154, no. 1, pp. 15–37. DOI 10.1080/00223980.2019.1642839
25. Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: A new perspective on biases cross-sex mind reading. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 1, pp. 81–91. doi:10.1037/0022-3514.78.1.81
26. Helm P. van der, Klapwijk M., Stams G.J., Laan P.H. van der. What works' for juvenile prisoners: the role of group climate in a youth prison. *Journal of Children's Services*, 2009. Vol. 4, no. 2, pp. 36–48. doi:10.1108/17466660200900011
27. Kernis M.H., Grannemann B.D., Barclay L.C. Stability and level of self-esteem as predictors of anger arousal and hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989. Vol. 56, no. 6, pp. 1013–1022. doi:10.1037/0022-3514.56.6.1013
28. Laak J. ter, Goede M. de, Aleva L., Brugman G., Leuven M. van, Hussmann J. Incarcerated adolescent girls: Personality, social competence, and delinquency. *Adolescence*, 2003. Vol. 38, pp. 251–265.
29. Papps B.P., O'Carroll R.E. Extremes of Self-Esteem and Narcissism and the Experience and Expression of Anger and Aggression. *Aggressive Behaviour*, 1998. Vol. 24, no. 6, pp. 421–438. doi:10.1002/(sici)1098-2337(1998)24:6<421::aid-ab3>3.0.co;2-3
30. Rudert S.C., Keller M.D., Hales A.H., Walker M., Greifeneder R. Who gets ostracized? A personality perspective on risk and protective factors of ostracism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020. Vol. 118, no. 6, pp. 1247–1268. doi:10.1037/pspp0000271
31. Shimotsukasa T., Oshio A., Tani M., Yamaki M. Big Five personality traits in inmates and normal adults in Japan. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 141, pp. 81–85. doi:10.1016/j.paid.2018.12.018
32. Sutherland I., Shepherd J. A Personality-Based Model of Adolescent Violence. *British Journal of Criminology*, 2002. Vol. 42, no. 2, pp. 433–441. doi:10.1093/bjc/42.2.433
33. Williams K.D. Chapter 6 Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 41. 2009, pp. 275–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна

кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Радчиков Андрей Сергеевич

лаборант-исследователь, научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Романова Наталья Михайловна

кандидат социологических наук, доцент, доцент, кафедра социальной психологии, заведующая, лаборатория юридической психологии, факультет психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Пятых Галина Анатольевна

Уполномоченный по правам ребенка в Белгородской области, Администрация губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Киселев Константин Анатольевич

аспирант, ассистент, кафедра социальной психологии, психолог, лаборатория юридической психологии, факультет психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Andrew S. Radchikov

Research Laboratory Assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Natalia M. Romanova

Ph.D. in Sociology, Docent, Associate Professor, Department of Social Psychology, Head, Laboratory of Legal Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Galina A Pyatykh

Commissioner for Children’s Rights in the Belgorod Region, Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Konstantin A. Kiselev

Postgraduate Student, Assistant, Department of Social Psychology, Psychologist, Laboratory of Legal Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

Получена 20.10.2023

Received 20.10.2023

Принята в печать 22.11.2023

Accepted 22.11.2023